

Когда Се Жун договорил, краска с его лица еще не сошла – все-таки ему было немного неловко.

Решаясь на это пари с Цзун Чихуаем, он был абсолютно уверен, что не проиграет.

Ведь по сюжету Цзун Чихуай всегда занимал первое место, да и в реальности Се Жун в открытом поединке один на один пока не гарантировал себе победу над ним.

Но если бы он поставил на победу Цзун Чихуая, тот из-за своего характера наверняка сделал бы все, чтобы выиграть самому.

В итоге вышла бы ничья, и никто из них не остался бы в выигрыше.

Се Жун твердо вознамерился преподать главному герою суровый жизненный урок.

А теперь вышло так, что урок получил он сам, а внезапный поступок Цзун Чихуая пустил весь его план под откос.

Се Жуну было не по себе от одной мысли об этом, причем это чувство явно выходило за рамки обычного стыда и неловкости от сорвавшегося плана.

Он бросил взгляд на Цзун Чихуая: тот застыл с отрешенным видом, словно после его слов всерьез усомнился в смысле собственного бытия.

Се Жуна тут же накрыло волной горделивого недовольства.

И в чем же он сомневается? Что тут вообще подвергать сомнению?

Неужели он, Се Жун, не может проявить великодушие и поставить на победу соперника? Неужели Цзун Чихуай считает его настолько мелочным, что теперь поверить не может собственным ушам?

Он презрительно фыркнул и, вздернув подбородок, обратился к застывшему на месте парню, у которого сейчас явно рушилась картина мира:

— Что, не ожидал такого исхода?

— Нет... — заторможенно выдавил Цзун Чихуай.

Он действительно никак не ожидал, что ему может понравиться Альфа.

— Ты еще о многом даже не догадываешься.

Се Жун смерил его недовольным взглядом и, оставив невежественного главного героя наедине со своими мыслями, раздраженно зашагал в общежитие, направляясь напрямик в душевую.

Цзун Чихуай совсем растерялся от его слов. О чем еще он мог не догадываться? Он умудрился влюбиться в Альфу – неужели ему может понравиться кто-то нечеловеческой расы? Что вообще может быть безумнее этого открытия?

Потрясение было слишком сильным. Молодой господин Цзун, неопытный в делах сердечных Альфа, который даже периоды течи переносил на одной лишь силе воли, сейчас пребывал в полнейшем ступоре.

Он отчетливо ощутил всю несправедливость этого мира.

Он приложил столько усилий и прошел через столько трудностей лишь ради того, чтобы вымолить у Се Жуна согласие стать друзьями.

И то не факт, что преуспел.

А теперь, когда он осознал, что влюбился в этого Альфу, Цзун Чихуай уже заранее видел свое безрадостное будущее.

Ему никогда не нравились Омеги, но он и подумать не мог, что его привлечет Альфа.

Молодой господин Цзун был близок к панике.

Однако, заметив, что Се Жун внезапно ушел, он, несмотря на внутренний хаос, послушно двинулся следом.

Раздался громкий стук – дверь душевой захлокнулась прямо перед самым носом Цзун Чихуая.

Шум льющейся воды внутри немного привел его в чувство.

Проходивший мимо Чан Бэй заметил, что тот замер у двери в ванную с крайне напряженным лицом, и истошно завопил:

— Пощади ее!

Цзун Чихуай недоуменно изогнул бровь:

— Что?

— Пожалуйста, не распускай руки! Эта дверь совсем еще ребенок, она появилась в нашей комнате всего четыре дня назад! Она еще жить не начинала!

Чан Бэй запричитал так жалобно, словно вот-вот разрыдается:

— Дай ей умереть своей смертью, она ни в чем не виновата! Если хочешь сорвать злость, избежь лучше меня!

Он уже выяснил, что прошлую дверь сломал именно Цзун Чихуай. Когда Чан Бэй нашел в углу изуродованный кусок металла, его сердце едва не остановилось от боли.

Один бог знает, через что ему пришлось пройти в те дни.

Ощущение, когда холодный сквозняк обдувает все чресла, он больше испытывать не желал.

Чан Бэй с непоколебимой решимостью преградил дорогу к душевой, не давая Цзун Чихуаю сделать ни шагу вперед:

— Пока я здесь, ты эту дверь не тронешь!

— В крайнем случае... — сокрушенно выдохнул он. — ...сломай лучше меня.

Цзун Чихуай, которому действительно мешала эта преграда и который подумывал повторить свой прошлый трюк с демонтажем, потерял дар речи:

— ...

Надо же, а этот парень неплохо его изучил.

— У меня нет ни малейшего желания тебя ломать.

Сейчас его интересовала только эта дверь и тот, кто скрывался за ней.

Слыша шум воды, Цзун Чихуай невольно вспомнил картину, которую застал, когда ворвался в душевую в прошлый раз.

Тогда он еще не понимал природы своих фантазий о Се Жуне, но его тело уже дало однозначную реакцию.

Теперь же, когда все прояснилось, от одних лишь мыслей у него закружилась голова, кровь прилила к лицу, а по телу разлился жар.

Пока Цзун Чихуай предавался сладким грезам, он вдруг заметил, что Чан Бэй смотрит на него очень странным взглядом.

— Чего уставился?

Молодой господин Цзун сдерживал свой нрав только рядом с Се Жуном, для всех остальных он оставался все тем же высокомерным и невыносимым типом.

В его взгляде на Чан Бэя сквозило крайнее раздражение, а между бровей залегла ледяная складка.

Это выглядело бы по-настоящему пугающе, если бы не одно «но»...

— Молодой господин Цзун, у тебя кровь из носа идет.

Если бы только у Цзун Чихуа в этот момент не потекли из ноздрей две струйки крови.

Чан Бэй с непередаваемым выражением лица наблюдал за тем, как грозный наследник истекает кровью, уставившись на дверь душевой.

До него доходили слухи, что раньше молодой господин Цзун переносил периоды течи наживую, пренебрегая даже блокаторами.

Ну вот, он же говорил, что до добра это не доведет! Посмотрите, до чего парня довело воздержание – уже на деревянную дверь так реагирует.

Вспомнив металлическую дверь, которую Цзун Чихуай в прошлый раз смял в комок, Чан Бэй посмотрел на него с весьма недвусмысленным намеком.

Цзун Чихуай: — ...

Он помрачнел, грубо вытер нос тыльной стороной ладони и, взглянув на следы крови, густо покраснел от стыда. После чего свирепо прошипел соседу по комнате:

— Проболтаешься кому – тебе не жить!

Чан Бэй тут же вскинул руки в примирительном жесте:

— Могила! Ни слова не скажу, даже под пытками!

Цзун Чихуай удовлетворенно кивнул – хоть в чем-то тот проявил благоразумие.

Стоявший неподалеку Вэй Цзя, наблюдая за их «дружеской беседой», наконец не выдержал. Он неловко приблизился к Цзун Чихуаю:

— Послушай...

Цзун Чихуай и Чан Бэй одновременно повернулись к нему. Встретившись с ними взглядом, Вэй Цзя мгновенно залился краской и запинаясь произнес:

— Возьми это.

Он протянул Цзун Чихуаю ампулу с каким-то препаратом.

— У тебя, наверное, жар от переутомления? У меня есть лекарство, прими – сразу станет легче.

Чан Бэй весело хохотнул:

— Жар? Да у молодого господина Цзуна огонь в крови горит! Сразу видно, сто лет разрядки не было, хе-хе. Тут парочка заходов нужна, а не микстуры всякие.

Вэй Цзя сначала не понял намека, но когда Чан Бэй кокетливо поправил свои огненно-рыжие волосы, до него наконец дошло.

И без того пунцовое лицо парня стало багровым, как спелый томат.

От стыда и злости он едва удерживал равновесие. Как грубо, как пошло!

Как... как можно говорить подобные вещи вслух? И раз уж молодой господин Цзун в таком состоянии, что ему делать? Неужели... ему стоит предложить свою помощь?

Бог знает, какие картины нарисовало воображение Вэй Цзя, но его миловидное лицо горело румянцем, а на Цзун Чихуаю он уставился полным нежности и обожания взглядом.

Чан Бэй и Цзун Чихуай, поймав этот взор, одновременно содрогнулись:

— ...

Фу, аж мурашки по коже побежали.

Видеть столь жеманный и кокетливый взгляд от другого Альфы было невыносимо. Чан Бэй брезгливо потер предплечье.

— Ты чего мою руку трешь? — Послышался раздраженный голос Цзун Чихуаю.

Опустив глаза, Чан Бэй обнаружил, что в порыве отвращения перепутал руки.

Он искренне извинился:

— Прости, молодой господин Цзун. Меня так перекосило от омерзения, что я даже не разглядел, чье плечо хватаю.

Цзун Чихуай великодушно его простил – самого едва не вывернуло наизнанку.

— Проваливай. И если еще раз посмотришь на меня так, я тебе глаза выдавлю!

Его тошнило от этой сцены. Если бы недавние глупые рассуждения Вэй Цзя не помогли ему докопаться до сути собственных чувств, Цзун Чихуай прибил бы его прямо на месте.

Даже приняв тот факт, что он питает слабость к Альфам, он не собирался терпеть притязания других парней.

Цзун Чихуай эгоистично рассудил, что его вожделение направлено исключительно на Се Жуна, а значит, и Се Жун должен принадлежать только ему.

Пусть даже добиться этого будет чертовски трудно.

<http://bllate.org/book/18044/1732443>